

Прошло едва ли с четверть часа, как из зарослей донесся шорох, и оттуда показалось с полдюжины всадников, которые принялись осматривать местность вокруг.

Главенствующий среди них указал на левую переднюю часть и сказал остальным:

— Смотрите, там еще не погасли костры, должно быть, это их лагерь.

Следом за ним другой откликнулся:

— Раз мы нашли место их стоянки, не вернуться ли нам сейчас доложить главарю? Приведем большой отряд и сравняем их с землей.

Вожак вскинул взгляд на небо, определяя время, затем повернулся и произвел:

— Сейчас возвращаться некогда — нашему основному войску понадобится по меньшей мере час, чтобы добраться сюда. Лучше мы сначала прокрадемся туда, разведаем обстановку, а уже потом доложим. Тогда, к прибытию главного атамана, как раз настанет рассвет — это лучшее время для внезапного нападения.

Остальные согласно закивали. Чтобы не быть обнаруженными Цзя И и его людьми, они заранее спешили и под покровом ночи двинулись к лагерю.

Движения этих людей были слаженными и четкими, сразу выдавая в них далеко не обычных разбойников.

Заметив, что лазутчики не спешат с докладом, а вместо этого подбираются к лагерю, Цзя И усмехнулся. В душе он подумал, что после того, как Цинь объединила шесть царств, разбойники и вовсе отвыкли от серьезных дел и сильно распустились, иначе откуда у них такая вопиющая нехватка базовых знаний.

На самом деле, когда эти веские разбойники только зарождались, в них действительно набирали ветеранов сотен сражений. Но со временем, пустив корни в здешних местах, они постепенно одичали. Особенно после смерти У Ци они перестали признаваться царством Вэй, окончательно скатившись до положения банальных бандитов.

И хотя после смерти тех старых вояк разбойники еще долго сохраняли молодецкую удаль и свирепость своих предков, в вопросах воинской дисциплины и выучки они отставали невероятно.

Цзя И взмахом руки велел бойцам рассредоточиться, негласно образуя полукруг, который наглухо отрезал пути отступления всей этой шайке из шести-семи человек.

Когда лазутчики подошли на расстояние каких-то десяти шагов, Цзя И издал зычный оклик и стрелой вылетел вперед, словно падающая звезда, полоснувшая ночное небо, напрямик набросившись на врагов. Его цель была предельно простой — разумеется, тот самый вожак. И

действовал он без затей: вложив силу в правую руку, он обрушил клинок вместе с телом, используя инерцию прыжка, прямо на голову главарю.

Будучи избранными в дозорные, эти разбойники обладали определенными навыками. Услышав крик Цзя И, вожак сразу понял, что их выдали. Он поспешно приказал людям остановиться и вдруг увидел падающего сверху, подобно ястребу, Цзя И. Не колеблясь ни секунды, он взметнул зажатый в руке меч в небеса. Целился он не в саму саблю Цзя И, а в его лицо — классический прием охоты кролика на ястреба.

Находясь в воздухе, нападающий обладал колоссальной инерционной силой, которую обычному человеку парировать невозможно, и этот маневр вынуждал Цзя И отвлечься на защиту.

Цзя И лишь чуть повернул лезвие, и когда оно обрушилось на меч противника, то обыкновенное бронзовое оружие со звоном разлетелось на куски. В тот же миг раздался предсмертный вопль атамана: сабля снесла ему голову вместе с правым плечом.

Все произошло мгновенно. Ошеломленные внезапным нападением, бандиты опомнились лишь после гибели главаря и в панике принялись выхватывать мечи. Но бойцы семьи Юй изначально были элитными воинами, да к тому же имели численное превосходство, и в считанные мгновения со всеми разбойниками было покончено.

Убедившись, что воины навели порядок на месте схватки, Цзя И велел всем немедленно приняться за работу. Судя по словам лазутчиков, численность врагов должна быть весьма внушительной. Он приказал усилить оборонительные меры, выкопать еще больше волчьих ям со скрытыми шипами, расставить заграждения из пут для лошадей и даже заготовить бревна и валуны для камнепада. Подготовка кипела до самого рассвета на востоке.

Бросив взгляд на поднимающееся солнце, Цзя И велел воинам поскорее перекусить и воспользоваться моментом для отдыха — бандиты могли объявиться в любую минуту.

Прошло еще чуть больше часа, и мародеры наконец появились. Судя по грохоту и конскому ржи, доносившемуся снизу, весь пологий холм усеяли бандиты. Они источали свирепую жажду убийства и, полагаясь на численное превосходство, поднимали невообразимый шум. От этого зрелища у всех оборонявших гору кровь стыла в жилах — силы сторон были слишком неравны.

Увидев разом столько вынырнувших неприятелей, Цзя И и сам почувствовал, как у него зачесался затылок. Однако, будучи человеком бывалым, он мысленно приказал себе сохранять хладнокровие.

Добравшись до подножия, разбойники испустили яростный рев и, даже не удосужившись выстроиться в боевой порядок, толпой ринулись на вершину.

Заметив, что враги прут напролом, не пытаясь предварительно разведать обстановку, Цзя И с одной стороны мысленно обругал их дураками, а с другой — понял, что его хитрость удалась.

Дело в том, что он нарочно велел бросить у подножия тела убитых накануне лазутчиков, чтобы оскорбить неприятеля.

Бандиты клюнули на приманку и единой лавиной помчались вперед, жажда превратить защитников вершины в фарш. Увидев их приближение, Цзя И распорядился, чтобы каждый занял свой пост и без приказа не предпринимал никаких самовольных действий.

Изначально разбойничье войско состояло из смеси пехоты и конницы. Подолгу склона кавалерия двигалась быстрее, оставив пехоту позади. В этой конной лаве насчитывалось не менее сотни всадников. Скача в атаку под грохот копыт и пронзительные визги наездников, они действительно излучали зловещую, леденящую кровь ауру.

Но едва конница преодолела половину склона, подъем стал круче, и всадникам пришлось рассредоточиться, чтобы продолжать стремительный рывок вверх.

Внезапно множество мародеров полетело с седла: одни угодили в усеянные шипами ямы, другие сбили коней о замаскированные в траве путы.

Увидав перед собой падающих товарищей, всадники были вынуждены придержать коней, уворачиваясь от катящихся вниз сослуживцев. Несколько не успевших увернуться людей столкнулись с летящими телами и вместе с конями покатались к подножию. Не успела кавалерия добраться до вершины, как лишилась двух-трех десятков человек.

Заметив неудачу врага, защитники горы дружно затянули победный клич, и страх перед неприятелем заметно померк.

К этому моменту подоспела пехота. Вместо того чтобы карабкаться на гору, пешие разбойники принялись рыскать среди своих родных и друзей, вытаскивая раненых. Из-за этого несколько сотен бандитов сгруппировались на склоне в сплошную неразбериху.

Узрев такую картину, Цзя И тут же махнул рукой, и бойцы покатали вниз заготовленные бревна. Поскольку неприятель сбился в кучу, падающие бревна вмиг прокладывали кровавые просеки. Забыв о товарищах, бандиты бросились врассыпную, обратившись в неуправляемое бегство. По приблизительным подсчетам Цзя И, только за этот раз они потеряли убитыми и ранеными не меньше трех-четырех сотен человек.

Проводив взглядом отступающих словно вода бандитов, Цзя И мысленно возблагодарил удачу. Он понимал, что те действовали сгоряча и по легкомыслию, а отсутствие строгой дисциплины позволило застать их врасплох.

Когда враг отошел к подножию, Цзя И велел остальным удерживать позиции, а сам спустился к середине склона. Спрятавшись за телами убитых, до которых руки еще не дошли, он натянул лук со стрелой, решив устроить разбойникам «обезглавливающий удар».

Он уже давно заметил, что в стороне у подножия сбилась кучка из десятка с лишним человек, оживленно о чем-то споривших. Судя по всему, это были главари разбойников, ставшие главной целью сегодняшней охоты Цзя И.

После недолгих препирательств из этой группы вышел человек в серой льняной одежде с бледным лицом. Совсем не похожий на разбойника, он скорее напоминал провалившего экзамены книжника из позднейших эпох. Сделав несколько шагов вверх по склону, он зычно крикнул:

— Здоров ли молодой господин Юй? Мы лишь хотим одолжить у него одну вещь, и вовсе не желаем чинить зла. Стоит юному господину сегодня проявить милосердие, как вэйские разбойники не только оставят в покое сегодняшнее происшествие, но и щедро отблагодарят его в будущем.

Услышав это, Цзя И понял, что не ошибся: Юй Цзыци действительно что-то от него скрывал. К сожалению, сам он был вовсе не Юй Цзыци и понятия не имел, что за вещь им понадобилась. Так что все эти вежливые речи уходили в никуда.

Не дождавшись ответа с вершины, из стана врага выдвинулся здоровяк с лицом, сплошь покрытым бугристыми шрамами. Горделиво ступая, он с презрением глянул на бледнолицего спутника и с издевкой выкрикнул наверх:

— Юй Цзыци, сдайся сейчас, и я оставлю тебе целое тело! Иначе я, У Фэн, клянусь стереть вас всех в порошок и развеять прах по ветру. Если хоть один из вас ускользнет живым, пусть я буду последней черепахой и бабкин сын!

Дослушав тираду У Фэна, Цзя И тихо выругал его глупцом. Разве подобными речами не загоняешь противника в угол, вынуждая сражаться насмерть? Он как раз ломал голову над тем, как поднять боевой дух своим людям, а У Фэн услужливо сделал это за него.

После недавних тренировок Цзя И был уверен в крепости своего внутреннего усилия. Выцелив цель, он натянул лук и пустил стрелу в сторону бледнолицего помощника У Фэна. У Фэн был тупица, а этот бледный — человек умный; врагов выгоднее иметь побольше дураков, а вот толковых людей — как можно меньше. Лук, конечно, выдали неплохой, но до армейских стальных рессор ему было далеко, и не долетев до бледного человека с десятков метров, стрела полностью утратила силу и упала на землю.

Цзя И мысленно досадливо поморщился, зато у подножия горы у всех разом изменились лица. Расстояние от вершины до них составляло четыреста-пятисот шагов, и запустить стрелу так далеко — какова же должна быть силища у этого лучника!

Бойцы на вершине, увидев этот выстрел и перепуганные лица врагов, не удержались от громких восторженных криков.

Для бандитов эти радостные возгласы звучали горше любых насмешек. У Фэн яростно взмахнул рукой, и разбойники начали спешно выстраиваться в ряды.

Бледнолицый книжник, уговаривший ранее сдаться, поняв по этому выстрелу, что противник настроен железобетонно и нужную вещь не отдаст, подал знак. Зазвучали рожки, кавалерия отступила по флангам, а пехота разделилась на два эшелона, причем впереди шел авангард из лазутчиков, крайне осторожно карабкавшихся вверх.

В руках у первой волны нападавших неожиданно блеснули щиты. Они методично уничтожали все ловушки, которые ранее пропускали дозорные. Солнце перевалило за полдень, копья сияли холодным блеском, и Цзя И понял: вот теперь наступил черед истинной мощи разбойников.

Следом за щитовиками двигались лучники и арбалетчики, непрерывно поливая вершину стрелами для прикрытия саперов со щитами. К счастью, врагам так и не удалось раскусить их маскировку, и потеря среди воинов пока не было.

К этому моменту все бойцы испытывали к Цзя И суеверный трепет. Сначала он безошибочно предсказал действия врага и нанес тяжелый урон, а затем искусно замаскировал позиции, сберегши людей. Все до единого прониклись к нему глубочайшим уважением.

Глядя на карабкающихся наверх бандитов, Цзя И прикинул, что на сей раз противник привел не меньше шести-семи сотен человек. И пусть три-четыре сотни полегли в прошлых стычках, а часть оставшихся возится с ранеными, в строю все еще остаются свыше трехсот боеспособных головорезов. Судя по выучке этих людей, справиться с ними никак не удастся. Численность врагов многократно превосходила их собственные силы. Стоит им прорваться наверх и лишить их преимущества высоты — и живыми отсюда точно никто не уйдет.

Оценивая обстановку, Цзя И внезапно принял решение. Резко обернувшись к стоявшему позади У Диню, он зашептал:

— Пока враг не замкнул кольцо, бегите к конюшням, садитесь на коней и немедленно уходите! Помните: двигайтесь на северо-восток, а дойдя до Хуанхэ, поворачивайте на запад. Мне хватит сил остаться здесь и прикрыть ваше отступление.

Видя, что У Динь и остальные с места не сдвинулись, Цзя И понизил голос еще сильнее:

— Молодой господин Юй ушел уже часов пять назад. Если судить по скорости пешего хода, они как раз должны подбираться к заставе Ханьгугуань, так что наша задача по арьергарду выполнена. Мое владение мечом велико, и если я захочу уйти, то с легкостью ускользну. А оставаясь со мной, вы лишь погибнете зря и станете для меня обузой.

Рассудив, что Цзя И прав, У Динь и остальные со вздохом согласились. Пожелав ему беречь себя, они стремительно бросились назад.